

Глава 1. Негодование— «Наконец-то...» В тихой и темной комнате Мою смотрел на ладонь своей руки, в его темных зрачках отражался мягкий свет. На его ладони колыхался белый свет, казавшийся крайне нестабильным. Этот белый свет — жизненная энергия, естественным образом покидающая человеческое тело, которую также называют «Ци» или «Сила Ума». Обычным людям сложно ощутить присутствие Ци, поэтому они могут лишь позволить ей покидать себя бесконтрольно. Ощутить Ци, высвободить ее и удержать — эта задача никогда не была легкой. Мою, словно переходя реку, ощущая каждую из камней, год упорно работал над контролем своего гнева. Этот этап означал, что он официально перешел порог, именуемый «осознанностью». Но, скорее, чем сам этот значимый шаг, его радовало другое — «Первоначальное освоение „Танга“ ожидаемо, а главное —... моя душа наконец-то настроилась на одну волну.» Мою медленно выдохнул, его мысли стали смутными. — «Прошел год. Как же быстро летит время...» Год назад он вернулся в родные края. На высокоскоростной трассе, когда впереди неожиданно возникла густая пелена тумана с низкой видимостью, его реакция была быстрой: он слегка притормозил и включил противотуманные фары. Но в тот миг, когда он и машина погрузились в сеющую неведенье мглу, его сознание как бы перевернулось, и, очнувшись, он уже был в теле по имени Мою Исаак, с множеством фрагментов чужих воспоминаний в голове. Мою ошеломлен был, не понимая, что происходит. Эти обрывочные воспоминания не только не помогли ему разобраться в сложившейся ситуации, но также стали источником различных проблем для его ума и тела. Более того, первое время все это казалось абсолютно незнакомым. К счастью, оригинальный обладатель тела находился в коме из-за травмы головы, что дало ему повод для амнезии и возможность постепенно привыкнуть к окружающей среде. В течение следующего года он провел в затворничестве, преодолевая физические недомогания, читая, изучая и тренируясь. Постепенно, через книги и переваривая фрагменты воспоминаний, он осознал, что попал в мир «буквально полных охотников», и начал пытаться чувствовать существование Ци. Теперь, завершив долгий путь упорного труда, он ощутил себя свободным — словно родился заново. — «Но это лишь начало...» Мою сосредоточил свое внимание, вообразив, как жизненная энергия, излучаясь из него, обвивает его тело. Поняв, что это мир полных охотников, его первая мысль была о необходимости научиться читать. Это было крайне важно для него, необходимая база и гарантия, что ему нужно лучше освоить эту силу. В темной комнате комок белого света плавал, колеблясь, словно волны. Время текло — колеблющийся свет постепенно стабилизировался на глазах. Это означало, что Мою уже овладел связыванием, и теперь мог уверенно обвивать Ци вокруг своего тела. — «Как быстро идет прогресс.» Мою глядел на плавный поток воздуха и был искренне удивлен. Он думал, что этот процесс займет много времени, а однако справился менее чем за десять минут. Неужели исчезла реакция отторжения тела, благодаря чему эффективность тренировки возросла? Ответ оставался неясным, и Мою не стал углубляться в размышления. Когда состояние Ци начало стабилизироваться, его следующим шагом стало стремление сделать это состояние инстинктивным. На таком уровне это было равноценно тому, чтобы носить прозрачную броню, не имеющую недостатков, в любое время. Держать Ци, которая иначе ушла бы навсегда, обвивая себя, означало подавлять расход жизненной энергии, так что вопрос долголетия не вызывал беспокойств. Размышляя об этом, Мою взглянул на ночное небо за окном, полное вдохновения. Теперь пришло время встретить этот новый мир. — «Что?» Внезапно взгляд Мою привлекла проблеск нечто чуждого у края окна. — «Это...» Он пригляделся. За пределами окна в воздухе колыхалась черная дымка, напоминающая пух. — «Черный дух, очень слабый.» Мою внимательно наблюдал за черным облаком. Он сразу узнал, что это Ци, оставшаяся от ушедших людей, можно сказать, их мысли, духи и даже недоумение. В этом мире мысли, остающиеся после смерти, стали привычным явлением. Но «ум» простых людей, как правило, бывает крайне слабым, ощущения почти не остаются, что никак не влияет на реальность. Лишь мысли, насыщенные сильными эмоциями перед смертью, наделены определенной интенсивностью и могут проявлять влияние. Однако «ум», оставленный людьми после смерти, даже будучи охваченными сильными эмоциями, обычно не представляет угрозы

для обладающих способностями. Интересно, что в этом мире, где каждый может изучить «ум», лишь небольшая группа людей, которых называют «мастерами изгнания ума», обладает способностью искоренять «недовольство». Тенистая энергия перед ним — это мысли, окрашенные сильными чувствами. Она всегда находилась здесь, но Мою не мог ее увидеть раньше. Теперь же, открыв «тонкие каналы» и овладев «связыванием», он мог различить «недовольство», которое обычные люди не замечают, благодаря Ци, обвинившей его. — «Почему здесь недовольство в монастыре? Неужели...» Мою поднял палец к подбородку, его глаза засияли в раздумьях. Место, где жил прежний владелец тела, это монастырь, построенный на горе в живописном районе. Образ монастыря особенно подтверждается тем, что здесь живет старец, который не отказывает себе в алкоголе и мясе. Что особенного в этом монастыре — помимо просьб о благосостоянии и подношений, брошенных в пруд желания, это еще и хранение реликвий. Размещение реликвий покойных вместе с их последними желаниями на алтаре — одна из отличительных черт этого места. Таким образом, луч недовольства, несомненно, происходил от той самой кучки реликвий. Мою встал, медленно подошел к окну, чтобы рассмотреть черное недовольство поближе. Его сила была очень слабой, и при прикосновении оно бы, вероятно, исчезло. Обычным людям это не представляло угрозы, не говоря уже о нем, стоящем на пороге возможности мысли. — «Что это?» Мою пригляделся и заметил, что это недовольство не просто бесполезная дымка, а тонкая черная нить соединяла его с чем-то ниже. — «Нить?» Мою прищурил глаза, инстинктивно следуя за черной нитью, заглядывая в двор за окном. С его ракурса открывался вид на двор, выложенный голубыми камнями, в центре которого находился пруд для освобождения, размеры которого сравнимы с полуметром баскетбольной площадки. Хотя это место и называлось «прудом» для освобождения, в нем на самом деле не обитало никаких существ, только вода и монеты, заполнявшие дно. И вот, в ту минуту, внимание Мою было полностью захвачено прудом. На лунном свете спокойная вода пруда для жизни внезапно окрасилась черным недовольством, словно вязкая трясина, излучая зловещее притяжение. Холод и раздражение. Это наполняло всемогущей злобы! Как только он увидел эту картину, Мою ощутил огромную угрозу. — «Это что, шутка?» Это зрелище, ворвавшееся в поле его зрения, заставило Мою расширить глаза. Холод пробежал по его спине и мгновенно охватил все тело. Как могло столько недовольства накопиться в обычном монастыре? Это определенно не было лишь плодом нескольких реликвий! По своей интенсивности простые люди могли бы погибнуть, лишь прикоснувшись к этому. Но так ли он прожил год и не заметил этого накопленного недовольства в пруду для освобождения? А те туристы, что приходили в дзен, кидая монеты в пруд для исполнения желаний, по идее также не почувствовали ничего. Мою быстро лихорадило от множества вопросов. Одновременно, из-за угрожающей ауры, исходившей от этого вороха недовольства, он поспешно отступил, стараясь держаться подальше от этой крайне опасной массы. Неизвестно, то ли взгляд Мою, то ли его движение спровоцировали реагирование недовольства из пруда, либо оно направилось к его Ци. Дерево недовольства как будто само стало осознано и быстро сократило свои размеры, после чего рванулось к Мою. Ветер оказался слишком стремительным, задыхаясь, разрывая множество метров дистанции всего за одно мгновение, оно приближалось к нему. Мою ощутил, будто упал в морозильник — он был сбит с ног этой группой недовольства и потерял сознание, даже не успев защититься с помощью своей Ци. Темные энергии остановились. Комната осела в тишину, словно перо в воздухе, лунный свет за окном постепенно исчез, а ночь окутала все, как густые чернила, полные ощущений подавленности. Маленький монастырь на вершине горы, казалось, скрывал некое неизвестное секрет. Прошло несколько секунд. Черное недовольство снова стало угрожающе висеть в воздухе. Но в тот момент, когда черное недовольство устремилось к Мою, на поверхности пруда для освобождения внезапно открылось круглое отверстие, как если бы открыли люк. Посреди этого отверстия, словно стрелка, сверкающей красной стрелы прямо устремлялась вверх. Когда на поверхности пруда открылось отверстие, черное недовольство, уже торопившееся к Мою, неожиданно замерло в воздухе. Затем, как будто невидимое притяжение

увлекло его вниз, черное недовольство стало жестоко вырываться, стремясь к кругу, который вырос на поверхности. Черное недовольство изо всех сил пыталось бороться, но безрезультатно. Всего через несколько мгновений, оно было втянуто в отверстие и исчезло. Как только черное недовольство исчезло, отверстие стянулось до черной точки и лишь потом, растворилось в воздухе. Комната оставалась все такой же тихой, ни звука. Несколько мгновений спустя на стене рядом с окном появилось маленькое черное пятно с психическим светом по краю, которое затем расширилось в круглый черный люк диаметром более метра. В середине отверстия, такого черного, что не ауздрей могло заметить, зависла зеленая прямая маячко. В тихом безмолвии зеленый свет на прямой линии становился все более туманным. Затем из него вынырнули две фигуры, одна большая, другая меньшая. Большая фигура — это был лысый мужчина средних лет с густой бородой, но без бровей. Это был отец Мою, Хоук. Меньшая фигура — довольно странная мышь примерно с размер футбольного мяча. У этой мыши не было носа или рта на лице. Две огромные круглые глаза почти занимали половину её лица, а уши были лишены обычных изгибов, лишь круговые линии, как у спирали от комара. На лбу у мыши был трёхмерный знак, в конце её длинного заостренного хвоста была сердитая мордочка величиной с детский кулачок, составленная из «Ци». Хоук был окутан ярким психическим светом, и после выхода из зеленого светового коридора быстро направился к Мою. И странная мышь шла позади Хоука, двигаясь без звука. Хоук опустил и проверил состояние Мою. Убедившись, что ранения нет, он облегченно вздохнул. — «Мою, ты, швабра...» Хоук странно уставился на лицо Мою и произнес с недоумением: — «Как ты, не имея никакого представления о Нине, смог самостоятельно пробудить Нин под гнетом „Божьей буквы“... Это случайный успех? Или особый талант?» После чего, на мгновение задумавшись, Хоук нахмурился, переполненный озабоченностью. — «Прежде чем полностью разрешится „стоимость“, тебе не стоит просыпаться.» — На следующее утро. Мягкий утренний свет просочился через окна и наполнил комнату. Мою внезапно, как по нажатию кнопки, открыл глаза и вскочил с кровати. — «Кровать...» Поняв, что лежит на кровати, он в первый раз удерживался в состоянии «связывания». Сразу же он прыгнул с кровати и с палочкой поднялся к окну, ярко рассматривая пруд для освобождения. Двор был окутан туманом, мягкий свет пронизывал его, как в сказочном сне. Большое количество недовольства, которое он видел прошлой ночью, исчезло. — «Нет больше...» Мою нахмурился, произнес низким тоном: — «Это был сон?» Он отводил взгляд и внимательно проверял свое тело — никаких проблем. Но тот момент, когда он был атакован прошлой ночью, была слишком реальным. Если бы его на самом деле ударило это недовольство такого уровня, он не мог бы остаться в безопасности. Оставив ранения, это было неминуемым итогом. Тем не менее, его тело было в полном порядке, никаких повреждений. — «Возможно, я слишком устал.» Мою слегка покачал головой, виня в своих недоумениях ночной кошмар, и направился в ванную. — Смыть все — Потянув за ручку крана, холодная вода струей хлынула, заполняя раковину. Мою умылся, и, взглянув в зеркало, увидел отражение своего юного лица. На нем играли капли воды, и лишь слегка помятые черты подчеркивали невинную прелесть, словно в самом деле они олицетворяли его тринадцатилетие. Тринадцать лет — это возраст его тела. Хотя он выглядел чуть моложе своих сверстников, красота была на его стороне. В прошлой жизни Мою также имел неплохую внешность, и за ним не раз ухаживали девушки. Но по сравнению с нынешним обликом, это было не более чем слабое эхо былого. Иногда, глядя в зеркало, он задумывался, не из какого-то иного мира ли он, не с другой планеты. В этот миг, когда он задумался, в его голове неожиданно раздался голос: — «Твоя привлекательность выше всяких похвал, ты доволен своим внешним видом, и это приносит тебе дополнительный опыт». — «Что?!» Мою лишь и смог в ответ произнести. Книга новая —! Прямо с обложки, ожидаю коллекции, рекомендаций и ваших откликов! В те дни, когда он терялся в раздумьях, его мучила растерянность, он не знал, что делать, куда двигаться... Однажды какой-то старший спросил его, когда он соберется написать новую книгу и о чем именно она будет. Он тогда лишь невразумительно ответил, что напишет о охотниках, и название книги пришло ему в голову весьма эксцентрическое — «Не

учитель я». Это было настоящее приключение в неведомое... Но он действительно не знал, с чего начать, поэтому, хлопнув себя по лбу, просто решил открыть книгу и начать. В ней уже были некоторые наработки, он вдохновился параллелью с книгой о Пищевых Охотниках, а концепция «внешности и ощущения» пришла ему в голову позже... В общем, он приложит максимум усилий, чтобы эта история стала интересной для вас. (конец этой главы)

<http://tl.rulate.ru/book/111927/4604385>